

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ССЫЛКА ПО ПРИГОВОРАМ НАРОДНЫХ СУДОВ РУССКОГО ТУРКЕСТАНА

В.П. Литвинов

Кафедра отечественной истории
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
ул. Коммунаров, 28, Елец, Россия, 399770

Проблема административной ссылки как в целом по Российской Империи, так и в Русском Туркестане не имеет пока еще над собой должной научной рефлексии. В статье рассматривается лишь один аспект, а именно: ее применение на основе приговоров народных судов коренного населения региона. Автор вскрывает причины и обстоятельства отказа царской власти от использования такой законодательной нормы вскоре после введения в действие «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г.

Ключевые слова: царизм, ссылка, административная ссылка, народные суды, среднеазиатские ханства, Туркестанский край.

Рассматриваемая проблема представляет сложность по двум основным обстоятельствам.

Во-первых, вопрос об административной ссылке в царской России не имеет должной научной рефлексии, поскольку в советское время она отождествлялась с понятием «политическая ссылка». Считалось, что административная ссылка как властное действие царизма (антинародного, жестокого, эксплуататорского и т.д.) уже только поэтому не могла быть справедливой по отношению к ее субъектам. При этом игнорировалось то обстоятельство, что в огромном числе случаев она применялась не к деятелям революционного и освободительного движения, а к тем, кто был представлен к ней решениями народных (традиционных) судов или «приговорами» сельских и городских обществ, принимавшихся на сходах их жителей. Кроме того, она применялась по отношению к лицам, ведущим порочный, антиобщественный, паразитический и т.п. образ жизни. Безусловно, все такие аспекты административной ссылки в царской России нуждаются в углубленном изучении.

Во-вторых, при таком состоянии проблемы является неудивительным фактическое отсутствие регионального подхода к ее анализу. Неизвестны серьезные научные работы по применению царизмом административной ссылки на так называемых «национальных окраинах» империи. Понятно, что Русский Туркестан (1) не является в данном случае исключением. Сегодня исследования его прошлого являются крайне редкими среди публикаций разного рода научных изданий.

Административная ссылка по приговорам народных судов не была какой-либо именно туркестанской новацией. Она была предусмотрена документами крестьянской реформы 1837 г., а также аграрной реформы 19 февраля 1861 г. Первыми, кто испытал на себе данный российский опыт, стали кочевники Казахстана. Исследователи Н.Е. Бекмаханова и Н.Б. Нарбаев пишут о том, что в результате царистских реформ XIX в. в Казахской степи «большие изменения наметились и в судебной системе. Все крупные дела перешли в ведение военных судов или Пограничной комиссии. Только незначительные преступления могли разбирать по народным обычаям. Царская администрация стремилась превратить органы местной власти, в том числе и суды биев, в карательно-полицейские органы. Им были предоставлены полномочия заключать под стражу, наказывать розгами, *ссылать в Сибирь на поселение*» [курсив наш. – В.Л.] (2).

Как известно, с присоединением части Средней Азии к России в феврале 1865 г. была образована Туркестанская область (3). 6 августа 1865 г., после взятия Ташкента, император Александр II утвердил «Временное положение об управлении Туркестанской областью» (4). Естественно, что в этих законодательных актах не было ничего, связанного с рассматриваемой здесь проблемой административной ссылки по приговорам народных судов. Но вряд ли это можно считать странным, если учесть то обстоятельство, что правительственное «Положение» было временным, а знания царских властей обо всех «тонкостях» судов «туземного» населения Туркестанской области были достаточно ограниченными для того, чтобы доверять им вынесение приговоров о ссылке, осуществляемой руками новой власти, стремившейся зарекомендовать себя с лучшей стороны в глазах недавно присоединенных народов Туркестана. Но положение вскоре изменилось.

В июле 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство (край) (5). Одновременно с подготовкой документов об учреждении новой административно-территориальной «единицы» в России правительственная комиссия представила проект «Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями». Но он не получил законодательного утверждения, и существуют разные мнения по этому поводу. Однако в «Журнале Комитета Министров» от 4 июля 1867 г. было записано: «Комитет находит, что Проект этот, как предварительно не согласованный с Министерствами Финансов и Юстиции, в настоящее время

утвержден быть не может» (6). Тем не менее с «высочайшего соизволения» проект «Временного положения» 1867 г. был запущен в «оборот» и действовал в течение едва ли не двух десятилетий, поскольку законодательно утвержденное «Положение об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. было введено в действие с 1 января 1887 г. Знание этого факта позволяет в большей мере понять ситуацию в Туркестанском крае рассматриваемого периода.

Что касается административной ссылки по приговорам народных судов «туземцев», то в Проекте 1867 г. она получила довольно любопытное выражение. Хотелось бы особо отметить, что до этого никто не обращался к относительно углубленному анализу этого обстоятельства. Дело в том, что законодатель не упоминал в разделе «Народный суд у киргизов» о прерогативе традиционных судов кочевников (судов биев) по обычному праву (адату) на вынесение приговоров о ссылке в Сибирь или в иные места вне пределов Туркестанского края (7). Зато в разделе «Народный суд у сартов и других оседлых туземцев Сыр-Дарьинской области» в примечании 1 к статье 232 было ясно прописано: «Телесные наказания, истязания, отсечение членов и смертная казнь, постановляющиеся прежде решением казиев [курсив наш. – В.Л.], отменяются. Взамен означенных наказаний полагается арест, штрафы, отдача в заработки и *ссылка в Сибирь*» [курсив наш. – В.Л.] (8). Можно подумать, что народные суды номадов были поставлены законодателем в неравное положение с такими же институтами оседлого населения. Однако это не так. Он предусмотрел и это обстоятельство, но в разделе «Устройство суда», содержащем общую характеристику судебной системы в Туркестанском крае. Примечание 2 к статье 133 этого раздела гласило: «По народным обычаям, у киргизов [читай: кочевников. – В.Л.] полагается за убийство уплата убийцей куна, то есть вознаграждения семейству или родственникам убитого в определенном биями размере. *Для предотвращения возможности богатым, пользуясь материальным благосостоянием, совершать убийства из личной ненависти, предоставляется народному суду право приговаривать виновных сверх куна – если будет признано нужным – к высылке в Сибирь* [курсив наш. – В.Л.]. Приговоры эти приводятся в исполнение не иначе, как с утверждения Генерал-Губернатора» (9).

Безусловно, на этом можно было бы закончить анализ правового материала по этому поводу, признав равноправие народных судов «киргизов» и «сартов» на применение ссылки. Но вряд ли этого будет достаточно в контексте рассматриваемой темы, поскольку остаются некоторые вопросы, требующие разъяснительных ответов. Например: почему законодатель конкретно ограничивает пределы компетенции народных судов «сартов» (шариатских судов) только Сырдарьинской областью, несмотря на то, что оседлое «туземное» население проживало и в Семиреченской области, тогда как такая же компетенция народных судов кочевников («киргизов») территори-

ально не ограничивалась, а, значит, распространялась на все пространства Туркестанского края. И это следует считать правильным, так как сотни тысяч «киргизов» не только просто кочевали в Сырдарьинской области, но и были к ней приписаны (в Аулиеатинском, Казалинском, Перовском, Чимкентском и др. уездах). Не менее любопытен вопрос о том, почему законодатель, предоставивший вышеуказанное право народным судам Туркестанского края в 1867 г., уже в следующем – 1868 г. лишил такового права народные суды в так называемых «степных» областях (10). Разумеется, ответы на них существуют, но изложение их в данном случае (пространное, иначе ничего не выяснишь) увело бы в сторону от темы, изучению которой посвящена данная статья. Совершенно очевидно, что приведенные вопросы должны стать предметом отдельного серьезного и детального научного исследования.

Вместе с тем на один из них необходимо обязательно ответить, а именно: была ли ссылка по приговорам народных судов (и адатных, и шариатских) в Туркестанском крае действительно административной, а не судебной, коль скоро она осуществлялась по решениям «туземных» судебных институтов. На этот вопрос можно дать только отрицательный ответ. Приговоры народных судов «туземцев» Туркестанского края относительно ссылки не были обязательными для исполнения органами его «военно-административного» управления. Они подлежали конфирмации генерал-губернатором, который мог и не утвердить такого рода приговоры по тем или иным обстоятельствам. Ведь проект 1867 г. гласил, что «приговоры эти приводятся в исполнение не иначе, как с утверждения Генерал-Губернатора» (см. выше). А раз так, то ссылка в Сибирь по приговорам народных судов могла состояться лишь по административному решению высшей власти в Туркестанском крае. И потому ее следует считать только административной.

Правомерность этого вывода подтверждается тем, как была решена такая проблема в «Положении об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. В этом акте не было разделения на суды по обычному праву (адату) и по шариату. Раздел 2 документа объединял их в одной главе (третьей) «Народный суд», определявшей общие принципы «туземного» судопроизводства в Туркестанском крае. Былые различия определялись только выражениями: «у кочевников» (слово «киргизы» уже не упоминалось) и «у оседлых туземцев». Законодатель сохранил право народных судов приговаривать к ссылке, но при этом уже не упоминал ни о Сибири, ни о каком-либо ином регионе России.

Это объяснялось тем, что во время составления указанного проекта в высших инстанциях царской России уже муссировался вопрос о сокращении (или даже прекращении) ссылки в Сибирь. Поэтому ст. 218 «Положения об управлении Туркестанским краем» гласила просто: «Если вследствие неисправимо дурного и вредного поведения подсудимого, народный суд призна-

ет наказание, которое он вправе назначить, недостаточным, то, определив оное в пределах своей власти, может ходатайствовать чрез областное правление, о высылке подсудимого из места жительства, по отбытии наказания» (11). И, подобно Проекту 1867 г., законодатель заложил в ст. 219 норму о том, что «утверждение означенных в ст. 218 ходатайств зависит от Генерал-Губернатора», причем при этом в единственном «примечании» к ст. 219 указывалось, что «расходы по высылке осужденных народным судом принимаются на счет казны» (12).

Однако главное заключалось в том, что ст. 15 «Туркестанского положения» 1886 г. предоставила генерал-губернатору личное право на административную ссылку «туземцев» Туркестанского края. Вряд ли между приведенными тремя статьями можно усмотреть какие-либо противоречия.

Во-первых, ссылка по личному распоряжению туркестанского генерал-губернатора или по утвержденному им приговору народного суда в любом случае была административной. При этом следует иметь в виду, что ст. 15 «Положения» 1886 г. применялась к «вредным, по политической благонадежности», тогда как ссылка по приговорам народных судов использовалась по отношению к тем, кто был признан ими преступником по причинам, не имеющим ничего общего с политической неблагонадежностью.

Во-вторых, указанные статьи не только не находились в противоречии (или расходились по правовому смыслу), но они были едины в том, что были рассчитаны только на «туземцев», а не на какие-либо другие категории населения Туркестанского края.

Можно представить, как какой-нибудь националистически ориентированный историк из государств так называемой «Центральной Азии» (бывших союзных республик СССР) при этом потрет руки и воскликнет: «Вот, вот, так-то они и расправлялись с нашими предками!». Но такая реакция не имеет ничего общего с научной объективностью, поскольку такая правовая постановка проблемы была проявлением гуманности русской власти по отношению к «туземному» населению региона. За многие их тех проступков, по которым «туземцы» Туркестанского края просто высылались административным образом по распоряжению генерал-губернатора, жители других регионов России, подлежавшие действию норм общегосударственного законодательства, предавались суду, причем с весьма печальными для себя результатами (ссылка на каторгу или поселение на значительные сроки).

Например, за организацию «возмущения» (локального бунта) «туземец» Русского Туркестана мог отделаться административной ссылкой, но вряд ли на такой исход могли рассчитывать инициаторы крестьянских выступлений в России.

Но речь в статье идет об административной ссылке по приговорам народных судов региона, не касавшимся «политики». Так вот, «туземцы», занимавшиеся разбоями, грабежом, бырымтой (угоном скота), мошенничеством и т.п., на их основании отправлялись в административную ссылку, тогда как

«природные» русские люди за то же самое подлежали суду «по общим имперским установлениям» и получали серьезные наказания как уголовники.

Наконец, в-третьих, административная ссылка уберегала «туземное» население от тех жестоких наказаний, к которым в дороссийский период их приговаривали «родные» суды – биев или казиев. Например, казахские бии приговаривали в XVIII – первой четверти XIX в. своих соплеменников к таким видам наказания, от которых и сегодня по спине «ползут мурашки». Видный казахстанский правовед Г.С. Сапаргалиев писал о том, что в казахском суде биев «видами смертной казни были: повешение на верблюде, избивание камнями, растерзание путем привязывания к хвосту необузданной лошади, обезглавливание, удушение, перерезание горла» (13). И после этого националистически ориентированные историки пишут о какой-то «жестокости» русских «колонизаторов», когда тот же Г.С. Сапаргалиев признает, что «в результате реформы царского правительства с 1824 г. *суды биев, султаны Младшего и Среднего жузов были лишены права применять смертную казнь*» [курсив наш. – В.Л.] (14). Выходит, что «жестокие» русские «колонизаторы» спасли многих казахов от умерщвления своей же «верхушкой», применявшей указанные выше чудовищно изуверские наказания. И вряд ли есть серьезные основания оспаривать такой вывод.

Не меньшей «выдумкой» в этом отношении, понятно, отличались и шариатские суды в среднеазиатских ханствах. Но на российских территориях Туркестана царские власти пресекли подобную «изобретательность». Гуманность русских властей по отношению к «туземцам» Туркестана отчетливо просматривалась как раз в тех разделах «Положения» 1886 г., которые касались их традиционного судопроизводства. Однако оказалось, что «народные судьи» стали использовать ее в своих корыстных интересах, в связи с чем законодателю пришлось вносить коррективы в «Туркестанское положение» 1886 г., причем вскоре после его введения в действие с 1 января 1887 г.

4 августа 1887 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант Н.О. Розенбах писал в рапорте военному министру о том, что народный суд «туземцев» имеет право приговаривать их к ссылке по своим приговорам «вследствие неисправимо дурного и вредного их поведения» (15). Он отмечал, что «Туркестанское положение» 1886 г. не указывает на то, куда надо ссылать таких «туземцев», и потому он, на основании ст. 20 «Положения», отдал этот вопрос на решение Совета Туркестанского генерал-губернатора (16). Он решил, что власть в этом случае должна действовать на основании ст. 11 «Устава о ссыльных», а именно: направлять их в Сибирь (17). Но главным в рапорте Розенбаха было не это – туркестанский генерал-губернатор рекомендовал вообще исключить ст. 218 из «Положения» 1886 г. По его мнению, в таком случае «туземцев» можно было бы «переселять в другую местность в пределах же Туркестанского края» (18).

Розенбах пояснял, что так было бы лучше наблюдать за ссыльными, поскольку если число приговоров народного суда о ссылке увеличится, то станет

трудно согласовывать вопрос о том, куда их ссылать, чтобы обеспечить нормальный полицейский надзор за ними. Он просил военного министра возбудить ходатайство о законодательном решении вопроса об отмене ст. 218 «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г., высказывая предположение о том, что приговоров народных судов о ссылке «туземцев» может со временем стать так много, что им будет нелегко найти место даже в Сибири.

28 августа 1887 г. военный министр П.С. Ванновский направил копию рапорта туркестанского генерал-губернатора министру внутренних дел Д.А. Толстому и просил его сообщить свое заключение по этому вопросу. 27 ноября 1887 г. глава МВД писал ему о том, что не надо поднимать вопрос о законодательном решении предложения туркестанского генерал-губернатора, так как в данное время «разрабатывается в Главном Тюремном управлении общий вопрос о возможно большем сокращении случаев применения ссылки в Сибирь как меры судебной, так и административной». 3 декабря 1887 г. начальник Главного штаба, генерал-адъютант Н.Н. Обручев направил письмо туркестанскому генерал-губернатору, в котором сообщал тому о мнении министра внутренних дел.

В ответном рапорте от 15 марта 1888 г. Розенбах писал, что поскольку в Главном Тюремном управлении уже рассматривается вопрос о сокращении ссылки в Сибирь в масштабах всей империи, то было бы нелишним отказаться от практики ссылки «туземцев» Туркестана в Сибирь как по приговорам народных судов, так и в обычном административном порядке. Однако на этот раз Розенбах уже не предлагал применять административную ссылку в места, находящиеся в пределах самого Туркестанского края, указывая, что «местные условия далеко не отвечают условиям полицейского надзора за лицами, которые могли бы быть высылаемы из одной местности [края. – *В.Л.*] в другую». Туркестанский генерал-губернатор пояснял, что размеры подведомственного ему территории огромны и потому, при отсутствии постоянного и эффективного надзора за ссыльными, они, не обнаружив там средств существования, легко смогут самовольно бежать из мест ссылки, причем «успешно, вследствие слабого полицейского надзора» (19). При этом он высказывал мнение о том, что надо «вовсе отменить высылку туземцев по ходатайству народных судов».

15 апреля 1888 г. Ванновский направил копию рапорта туркестанского генерал-губернатора министру юстиции Н.А. Манасеину и просил прислать заключение его ведомства по поводу предложения Розенбаха отменить ссылку «туземцев» Туркестанского края в Сибирь по приговорам народных судов.

Одновременно копия указанного рапорта была направлена и министру внутренних дел. 5 мая 1888 г. он писал П.С. Ванновскому о том, что МВД не против «осуществления предложения генерал-адъютанта фон Розенбаха об отмене высылки туземцев Туркестанского края из мест постоянного их проживания по ходатайствам о том народных судов». 27 мая 1888 г. министр юстиции Манасеин сообщал военному министру, что он «не встречает пре-

пятствий к осуществлению предложений генерал-адъютанта Розенбаха об исключении сей статьи из названного Положения».

На основании рапортов туркестанского генерал-губернатора, отзывов министров внутренних дел и юстиции Азиатская часть Главного штаба подготовила представление в Государственный совет: «Об исключении ст. 218 из Высочайше утвержденного 12 июня 1886 г. Положения об управлении Туркестанского края», в котором приходила к выводу: «Признать доводы, приводимые генерал-адъютантом Розенбахом... заслуживающими уважения и, принимая во внимание неудобство применения на практике ст. 218 Положения об управлении Туркестанского краем, казалось бы, возможным означенную статью из Положения исключить» (20).

3 октября 1888 г. Государственный совет в Департаменте законов обсудил это представление Военного министерства и принял положительное по его поводу постановление. Это предложение Департамента было вынесено на заседание «Общего собрания» членов Государственного совета, которое вынесло положительное «мнение» по этому вопросу (21). 7 ноября 1888 г. это «Мнение» было утверждено императором Александром III. В документе указывалось, что следует «ст. 218 и 219 (с примечанием) Высочайше утвержденного 12 июня 1886 г. Положения об управлении Туркестанского края отменить» (22).

Если рассматривать данный вопрос только с точки зрения истории государства и права, то вышеизложенного достаточно для того, чтобы понять суть такого решения царской власти. Однако истинная мотивация отмены указанных статей имела более глубокие причины, коренившиеся в специфике традиционных этносоциальных отношений в среде коренного населения Русского Туркестана. И объяснить их можно только с более масштабных позиций «чистой» исторической науки.

Известно, что в кочевых сообществах региона шла острейшая борьба между различными родами и племенами. Отзвуки ее просматриваются и в сегодняшней политической жизни постсоветских государств «Центральной Азии» (Казахстан, Кыргызстан, Туркмения), где сильны устои трайбализма. То же можно сказать и о сообществах оседлого населения, где реликты клановых отношений перемежались с так называемыми «земляческими». Автору приходилось достаточно писать об этом (23).

Туркестанский революционер Г.И. Бройдо отмечал, что выборы «туземной администрации» в Русском Туркестане всегда сопровождались острейшей борьбой партий (на родоплеменной) основе, коррупцией, подлогами и махинациями со списками избирателей, «копроматом» и т.п. И с помощью любопытных примеров он вскрывал «анатомию» такой «партийной борьбы» (24).

Суть проблемы заключалась в том, что царское правительство ввело в Русском Туркестане выборность должностных лиц «туземной» администрации, то есть местного самоуправления. Выборными стали и должности в «бийских» (по обычному праву-адату) и шариатских судах. Такой «демократии» коренное население Средней Азии при ханских властях не знало, по-

скольку местные управители (беки, хакимы, амлякдары и проч.), а также судьи (бии и казии) назначались фирманами (указами) ханов.

Против выборности «туземных» старшин и «народных» судей выступали не только многие туркестанские руководители – от генерал-губернаторов до уездных начальников и участковых приставов, но и видные передовые мусульмане.

Так, 27 декабря 1883 г. известный в Средней Азии исламский деятель Саттархан Абдулгафаров подал туркестанскому генерал-губернатору М.Г. Черняеву «Записку» о положении мусульманства в крае, в которой отмечал, что внедрение русскими властями демократического «избирательного» начала в «туземную» среду (при выборах старшин и судей) нанесло вред как самому народу, так и интересам правительства, поскольку все выборы сопровождаются ожесточенной борьбой партий и применением в ходе ее порочных методов. Он писал о том, что отсутствие избрания управленцев и судей при ханах было более полезным (25).

Американец Ю. Скайлер, автор двухтомного сочинения о Туркестане (пока, видимо, непревзойденного), отмечал, что в регионе «русская выборная система дала отрицательные последствия в виде взяточничества и коррупции, процветавших во время выборов под откровенным давлением властей в пользу их фаворитов. Многие исключались из выборных списков по причине признания их фанатиками и поэтому выборы носили почти командный характер» (26).

Часто выборные кампании сопровождалась кровопролитными стычками между «партиями» (читай: родами или племенами). Так, военный губернатор Семиреченской области писал в рапорте исполняющему должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанту Е.О. Мациевскому о том, что в Тонской волости Пржевальского уезда «при выборах должностных лиц волости имела место страшная неурядица, завершившаяся дракой и настолько значительной, что уездный начальник вынужден был прекратить выборы». Опытный туркестанский администратор, генерал-майор С.А. Геппенер писал в 1916 г. о том, что «Туркестанское положение» 1886 г. реально ничего не изменило в жизни «туземцев», так как «при ханах полновластным владыкой был ханский ставленник... при русских ту же самую роль стал играть волостной управитель [т.е. свой человек для «туземцев», а не русский, чужой. – В.Л.]» (27).

Понять причины вышеуказанной борьбы несложно, если учесть мнение видных современных историков Кыргызстана, которые пишут о том, что поскольку «сбор их [налогов. – В.Л.] был в руках возглавивших местную администрацию манапов и баев, то основную тяжесть поборов они перекладывали на плечи рядовых кочевников» (28). Но это мнение нуждается в уточнении.

Суть дела в том, что победившая «партия» (род или племя) в силу должностного положения (аульного или волостного старшины) получала право так называемой «раскладки» «податей» (налогов) и сборов и, понятно, основная их тяжесть ложилась не просто на плечи «рядовых кочевников», а на членов той «партии», которая проиграла на выборах. Что касается своих,

то для них, напротив, вводились всяческие фискальные послабления с тем, чтобы победить на будущих выборах.

Не исключено, что кому-то покажутся излишними рассуждения о выборах должностных лиц «туземного» самоуправления, в то время как речь идет о народных судах коренного населения Туркестанского края. Но не следует спешить с выводами.

Во-первых, власть и суд в Средней Азии всегда были тесно связаны между собой и период царистского управления регионом не является исключением. На это указывал, например, военный губернатор Ферганской области, генерал-лейтенант Н.И. Корольков в отчете за 1887 г., т.е. в то время, когда Туркестанский генерал-губернатор Розенбах начал ходатайствовать об изъятии из компетенции народных судов «туземцев» права приговаривать последних к ссылке. Корольков отмечал, что народные судьи являлись орудием в руках «туземной» администрации (волостных и аульных старшин), становясь «в большинстве случаев представителями взяточничества и неразлучного с ними кривосуда» (29).

Во-вторых, выборы народных судей сопровождались не меньшей (если даже не большей) «партийной» борьбой, поскольку «свой» бий или казий принимал решения только в пользу тех, кто добился его избрания на важную и почетную должность. Начальник Кокандского уезда, подполковник Дзердзиевский писал в 1898 г. в рапорте председателю правительственной комиссии по расследованию причин Андиганского восстания генерал-лейтенанту Н.И. Королькову о том, что подкуп избирателей и т.п. махинации при выборах казиев и биев приводят «к господству полного произвола со стороны народных судей, а через них того же духовенства и разных баев» (30). Начальник Атбашинского участка Пржевальского уезда Семиреченской области писал по этому поводу в рапорте уездному начальнику о том, что «раз между манапами установилось согласие («интумак»), то никакие жалобы со стороны населения немыслимы. Последнее находится *в цепких руках объединившихся манапов и народного суда* [курсив наш. – В.Л.], приговаривающего к тюрьме или непосильным штрафам за каждую жалобу на своих угнетателей, по ложным искам, которых может быть возбуждено по приказанию манапов в каждый момент целые сотни дел» (31).

Но, пожалуй, более всего в рассматриваемом вопросе туркестанскую администрацию тревожило то, что, стремясь избавиться от конкуренции на последующих выборах, народные судьи, не гнушаясь доносами, подлогами, лжесвидетельством и т.п., приговаривали к ссылке лидеров конкурирующих «партий» с тем, чтобы обезглавить их и ослабить электоральные возможности в будущем.

Российские власти не могли не понимать, что хитроумные «туземные» судьи, исполняя свои приговоры о ссылке руками русских властей, тут же взваливали всю вину за них на некие, якобы последовавшие от «кафиров» (русских), распоряжения. Можно предположить, что народные судьи за вре-

мя действия ст. 218 «Туркестанского положения» успели сослать за пределы края не одного или двух вожаков конкурирующих «партий», а десятки, если даже не сотни.

Таким образом, туркестанские власти несколько запоздало, но в целом своевременно «вспокоились» по поводу отмены пресловутой статьи. В соответствии с вышесказанным следует внести ясность в обстоятельство, представляющееся немаловажным, а именно: отмена этих статей вовсе не означала изъятия у народных судов «туземцев» права приговаривать их к ссылке вообще. Такое право за ними было сохранено и в последующем, а, значит, законодатель отменил в данном случае только административную ссылку, что, безусловно, укладывается в «прокрустово ложе» темы данного исследования без каких-либо противоречий.

Таким образом, применение царскими властями в Туркестане административной ссылки «туземцев» по приговорам их же «народных судов» оказалось неоднозначным. С одной стороны, оно явилось неудачным и даже вредным для престижа русской власти в регионе. Применение административной ссылки по приговорам народных судов нанесло больше вреда самому коренному населению региона. Было бы ошибочным полагать, что «туземцы» края не знали нравов своего суда и питали какие-то иллюзии относительно его справедливости, что нашло рефлексии в народной мудрости – фольклоре. Так, у кочевников Туркестана были, например, такие пословицы: «где есть два судьи, там будет четыре тяжбы» или: «у справедливого судьи нет родни, у судьи с родней – нет совести».

С другой стороны, отмена двух вышеуказанных статей «Туркестанского положения» 1886 г. не была всецело оправданной, так как далеко не все приговоры народных судов в части применения к осужденным административной ссылки были несправедливыми или неправомерными. Во многих случаях осужденные действительно заслуживали применения к ним такой меры. И ее применение способствовало известному очищению «туземных» сообществ Русского Туркестана от представителей потенциально опасных, криминогенных слоев общества.

В заключение статьи можно прийти к выводу о том, что применение административной ссылки по приговорам народных судов Русского Туркестана оказалось неудачным из-за сохранения в жизни «туземного» населения многих пережитков патриархального общества. Введенная русской властью выборность народных судов более навредила самому «туземному» населению, разжигая электоральные страсти и обеспечивая победившей «партии» выгодные позиции для расправы с проигравшими противниками, в том числе посредством приговоров народных судов к их административной ссылке. Отмена такой ссылки объективно защитила права простого «туземного» люда и частично ограничила произвол по отношению к нему эксплуататорской верхушки, послушным орудием в руках которой являлись «народные» суды биев и казиев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Под «Русским Туркестаном» всегда понимались территории дореволюционной Средней Азии, находившиеся под юрисдикцией царской власти, в отличие от Бухарского и Хивинского ханств, являвшихся протекторатами, но сохранявшими формальную независимость. Понятие «Русский Туркестан» не нуждается в хронологическом «обрамлении». Общеизвестно, что оно появилось после образования в феврале 1865 г. в Средней Азии Туркестанской области, вошедшей в состав Оренбургского генерал-губернаторства, а утратило свой смысл после падения царизма в 1917 г.
- (2) Центральная Азия в составе Российской империи. – М., 2008. – С. 58.
- (3) См.: Именной, объявленный Сенату Военным Министром, опубликованный 2-го марта «Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 г.» // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ-И). – СПб., 1867. – Т. 40. – Отд. 1: 1865 год. – № 41 792. – С. 184.
- (4) Высочайше утвержденное «Временное положение об управлении Туркестанской областью». 6 августа 1865 г. // ПСЗ-И. – СПб., 1867. – Т. 40. – Отд. 1: 1865 год. – № 42 372. – С. 876–881.
- (5) Именной, данный Сенату, опубликованный 20 того же июля «Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской». 11 июля 1867 года // ПСЗ-И. – СПб., 1867. – Т. 42. – Отд. 1: 1867 год. – № 44 831. – С. 1150–1151.
- (6) Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. – СПб., 1867.
- (7) См.: Там же. – § 181–213. – С. 29–33.
- (8) Там же. – С. 35.
- (9) Там же. – С. 21.
- (10) См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров «Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях». 21 октября 1868 года // ПСЗ-И. – СПб., 1873. – Т. 43. – Отд. 2: 1868 год. – № 46 380; см. также: Там же. – № 46 581. – С. 545–548. В научной и иной литературе его часто называют: «Степным положением» 1868 г.
- (11) Высочайше утвержденное «Положение об управлении Туркестанским краем». 12 июня 1886 г. // ПСЗ-И. – СПб., 1888. – Т. 6: 1886 год. – № 3814. – С. 336.
- (12) Там же.
- (13) *Сапаргалиев Г.С.* Основные черты казахского права (адата) // История государства и права СССР. – М., 1972. – Ч. 1. – С. 460.
- (14) Там же.
- (15) Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 1182. – Л. 1.
- (16) Совет Туркестанского генерал-губернатора был высшим законосовещательным органом в Туркестанском крае. Он решал только вопросы гражданского управления регионом, так как «Главный Начальник края», который, кроме генерал-губернатора, был также командующим Туркестанским военным округом, имел для решения военных вопросов Штаб ТуркВО.
- (17) См.: Свод Учреждений и Уставов о ссыльных // Свод Законов Российской Империи. – СПб, 1900. – Т. 14. – Ст. 11. – С. 155–156.
- (18) РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 1182. – Л. 2.
- (19) Там же. – Л. 10 об.

- (20) Там же. – Л. 18 об.
- (21) Решения Государственного совета в практике царского делопроизводства именовались «мнениями». Существовали специальные бланки типографского образца: «Мнение Государственного Совета», в которые вписывались (позже впе­чатывались на пишущей машинке) те или иные решения этого высшего законосовещательного органа с изложением сути дел, по которым принимались его постановления.
- (22) Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета «Об отмене постановлений о высылке туземцев Туркестанского края из места жительства по приговорам народных судов. 7 ноября 1888 г. // ПСЗ-III. – СПб., 1890. – Т. 8. – Отд. 1: 1888 год. – № 5538. – С. 533.
- (23) См.: Литвинов Вяч.П. «Пережитки» прошлого и современность (политологический аспект) // Духовность, нравственность и культура в российской истории: Мат-лы VIII Всерос. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 10-летию факультета гуманитарных и социальных наук и 35-летию со дня образования кафедры истории России РУДН (Москва, 21 апреля 2006 г.). – М., 2006. – С. 363–370; Он же. Государство и власть в Центральной Азии: история и современность // Сб. науч. работ аспирантов и соискателей. – Вып. 1. – Елец, 2006. – С. 60–70; Он же. О связи местного самоуправления мусульман Туркестана с реликтами патриархального общества в их среде (1865–1917) // Вестник Елецкого государственного университета. – Сер. «Право». – Елец, 2007. – Вып. 15. – С. 226–235; Он же (в соавт. с Литвиновым Вл.П.). Патриархальное общество и мусульманское паломничество в Туркестане (эпоха средневековья и нового времени) // Образ жизни в России: история и современность: Мат-лы IX Всерос. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Москва, 20 апреля 2007 г.) – М., 2007. – С. 454–462; Он же. Реликты патриархального общества и проблемы демократизации в государствах Центральной Азии (на примере Кыргызстана) // Образ жизни в России: история и современность: Мат-лы IX Всерос. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Москва, 20 апреля 2007 г.). – М., 2007. – С. 463–472; Он же. Царизм и пережитки патриархального общества в Туркестане: административно-политический аспект // Молодежь в истории России: духовные, нравственные и патриотические ориентиры: Мат-лы X Всерос. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию со дня образования РУДН (Москва, 18–19 апреля 2008 г.). – М., 2008. – С. 555–563 и др.
- (24) См.: Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 году // Восстание казахов и киргизов в 1916 году. – Л., 1989. – С. 135–138.
- (25) См.: Архив Государственного исторического музея (АГИМ). – Ф. 307. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 40 об.–42.
- (26) Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. – L., 1876. – Vol. 1. – P. 169.
- (27) РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 4995. – Л. 5.
- (28) Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. – Бишкек, 2009. – С. 172.
- (29) Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. – Оп. 223. – Д. 205. – Л. 69.
- (30) РГИА. – Ф. 565. – Оп. 1. – Д. 3193. – Л. 21.
- (31) Цит. по: Омелин Н.Е. Из истории колонизации Средней Азии царской Россией // Ташкентский финансово-экономический институт. Научные записки. – Ташкент, 1948. – № 3. – С. 51.

**ADMINISTRATIVE EXILE ON VERDICTS OF NATIONAL COURTS
OF RUSSIAN TURKESTAN**

V.P. Litvinov

Chair of Domestic History
I.A. Bunin' Yelets State University
Kommunarov Str., 28, Yelets, Russia, 399770

The problem of the administrative exile both throughout the Russian empire, and in Russian Turkestan has no proper scientific reflection so far. The author considers only one aspect, namely: its application on the basis of verdicts of national courts of indigenous population of the region. The author reveals the reasons and circumstances of the tsarist authorities refusal of the use of such legislative norm shortly after putting in action «Regulations on management of Turkestan region» of 1886.

Key words: tsarism, exile, administrative exile, national courts, Central Asian khanates, Turkestan region.